

94(47).083

Воробьева Эвелина Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет,
tinva@yandex.ru

**«Выселить ввиду сомнительной благонадежности...»
(власть, общество и отношение к японцам на российском
Дальнем Востоке в начале XX века)**

Аннотация: Статья Э.А. Воробьевой «Выселить ввиду сомнительной благонадежности...» (власть, общество и отношение к японцам на российском Дальнем Востоке в начале XX века) рассматривает проблемы отношения властей Дальнего Востока к японскому населению в начале XX века. На основе изучения архивных материалов, делается вывод о враждебном, подозрительном отношении властей к японцам, стремлении держать их под неусыпным контролем. В японцах видели скрытых шпионов и высылали как «неблагонадежных» и «внушающих подозрение» по малейшему поводу, при чем данная установка существовала как до Русско-японской войны 1904–1905 годов, так и после ее окончания.

В статье также приводятся характерные примеры обработки общественного мнения русского населения Дальнего Востока для создания негативного образа Японии и японцев, в первую очередь – эксплуатация мифа о «желтой опасности» (о якобы существующем стремлении Японии подчинить себе всю Азию, а также захватить азиатскую часть территорий России вплоть до Байкала). Уничжительный образ японцев («макаки», «узкоглазые дикари», «япошки») был характерен перед Русско-японской войной для всего русского общества, однако за годы войны он претерпел значительные изменения, сменившись «двойственностью восприятия» бывшего врага (восхищение и страх одновременно, «живописная Япония» плюс «желтая опасность»). Между тем, для властей Дальнего Востока и после окончания войны была характерна «шпиономания», восприятие японцев исключительно в негативном ключе, как потенциальных врагов, жаждающих реванша (что и показано в статье). Данная установка активно транслировалась русскому населению Дальнего Востока и была частично им воспринята. Между тем, существовало и доброжелательное, позитивное отношение к японцам, как русского, так и инородческого населения Дальнего Востока, вызванное конкретными фактами сотрудничества между японцами и местным населением, с чем власти также пытались бороться, через меры насильственного, «запретительного» характера.

Ключевые слова: История России, история Дальнего Востока, русско-японские отношения, Русско-японская война 1904–1905 годов, образ
© Э.А. Воробьева, 2014

Японии, желтая опасность, шпиономания, общественное мнение, власть, инородцы.

Рассматривая процесс освоения Россией Дальнего Востока, мы сталкиваемся с весьма показательными проявлениями «имперского дискурса» в деле ассимиляции новой территории. К началу XX века на российском Дальнем Востоке можно выделить три основных «анклава» населения. Во-первых, это местное, аборигенное население («инородцы»), то есть те, кто жил на Дальнем Востоке до прихода сюда русских – гиляки, орофоны, камчадалы, эвенки и так далее. Во-вторых, это так называемое «русское население» – подданные Российской империи, прибывшие для освоения Дальнего Востока и рассматривающие Дальний Восток как «наш», «принадлежащий России» (этнически могли быть как русскими, так и украинцами или белорусами). В-третьих, «иностранный народ» (главным образом, трудовые мигранты из Китая, Кореи и Японии, но не только).

Ситуация, которая складывалась вокруг этих трех анклавов, весьма специфическая. «Инородцы», которые объективно были аборигенным населением Дальнего Востока, рассматривались властями как «недоразвитое население», нуждающееся в государственном контроле, опеке, попечении и так далее. «Русское население» рассматривалось как опора власти, но в то же время, ему не вполне доверяли. От услуг трудовых мигрантов власти не могли отказаться, поскольку собственной рабочей силы не хватало, но при этом «иностранный народ» было сплошь под подозрением, особенно японцы. Подозрительность сохранялась, даже если конкретное лицо прожило на Дальнем Востоке полтора-два десятка лет и полностью «обрусело», что нередко приводило к настоящим личным трагедиям.

Самая масштабная из акций правительства на этот счет – выселение с Дальнего Востока всех японцев в начале Русско-японской войны 1904-1905 годов, в том числе японок, вышедших замуж за русских и имевших от них детей. В бумагах Приамурского генерал-губернаторства сохранилась масса прошений от жителей края, с просьбой не высылать японку жену либо сожительницу, с которой уже прижиты дети, иногда просили также за своих домохозяек.

В качестве показательного примера можно привести прошение крестьянина деревни Осиновки, Хабаровского уезда, корейца Кон-Чени-Тена о его жене японке Ямата-Суки: «8 марта 1904 года была выселена моя жена из японок Ямата-Суки, прожившая со мною в городе Хабаровске 17 лет, от которой прижито было несколько человек детей, ныне умерших, за исключением одного ребенка одного года и шести месяцев от роду, оставшегося, вследствие выселения матери, у меня на руках без столь необходимой для маленького ребенка ласки, заботы и попечения. Выселение это последовало исключительно лишь в силу распоряжения о высылке всех японских подданных за пределы наместничества Дальнего Востока, хотя в полиции, и всем обывателям в городе Хабаровске известно, что жена моя

давно живет со мною вместе, вполне обрусела и давно порвала всякую связь со своей родиной, что могут подтвердить свидетели, крестьянин деревни Покровка Хабаровского уезда Артемий Иванович Лобачев, крестьяне деревни Александро-Михайловки и Петропавловки, Хабаровского уезда Иван Иванович Гомзяков и Яков Иванович Ким. В виду изложенного осмеливаюсь почтительнейше просить распоряжения Вашего Высокопревосходительства о возвращении в город Хабаровск моей жены Ямата-Суки, матери маленького ребенка, лишенного материнского за ним ухода и лишającego меня возможности заниматься своими обычными делами»¹.

Резолюция Приамурского генерал-губернатора Н.П. Линевича на прошение была весьма показательна и гласила: «Отклонить, если не примет православия»².

В целом, в политике власти на Дальнем Востоке четко выделяется линия на разжигание «шпиономании» и подозрительности относительно иностранцев, в первую очередь японцев. Данная установка существовала как до Русско-японской войны 1904–1905 годов, так и после нее. Скажем, в циркуляре от 18 июля 1902 года, Военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов писал, что для недопущения деятельности «японских офицеров-шпионов» необходимо «иметь неослабное наблюдение за проживающими и прибывающими японцами»³.

Существовали предложения и более серьезных мер против японцев, в частности, чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе писал в своей докладной, что к японцам нужно применять высшую меру, чтобы удерживать их от шпионства. Он же считал, что «шпионским успехам» японцев способствует «особенно самоуверенное отношение русского населения к японцам, китайцам и корейцам как к существам низшим, исключаяющее всякую необходимость в какой-либо обычной осторожности в сношениях с ними... японцы, в свою очередь, считают русских за наивных варваров, и позволяют себе в отношении нас несравненно более, чем бы то они сделали в других государствах»⁴. Вывод, собственно, напрашивался сам собой – русское население необходимо соответствующим образом настроить на борьбу с японскими шпионами, а к японцам применять самые суровые меры.

Своего пика «шпиономания» и ксенофобия властей на Дальнем Востоке достигла, разумеется, в период Русско-японской войны, но и после ее окончания мало что изменилось – в рапортах и докладных записках должностных лиц японцы неизменно фигурировали как потенциальные враги, «скрытые шпионы» и прочее, за ними устанавливался строгий полицейский надзор, при малейшем подозрении японцы высылались на родину с

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 122–122 об.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 124.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 516. Л. 11.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 516. Л. 36–37.

формулировками типа: «ввиду сомнительной благонадежности», «ввиду неблагонадежности», «по подозрению в шпионстве», «является лицом, внушающим подозрение».

Характерный эпизод – задержание в июне 1908 г. в станции Екатерино-Никольской трех японских подданных: Нозаки Иосимацу, Игучи Зензиро и японки Соката Кеен. При японцах были паспорта и записные книжки. Военный губернатор Амурской области А.В. Сычевский снесся по данному делу с Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером, спрашивая, что делать с арестованными. Замечательна формулировка из его донесения: «Хотя за задержанными лицами ясных улик в шпионстве и нет, но как лиц без определенных занятий и без видов на право проживания в наших пределах дальнейшее пребывание у нас не желательно»¹.

Приамурский генерал-губернатор приказал означенных японцев немедленно выслать в Японию². Японский консул, узнав об этом, возражал и просил объяснить «на каком основании вышеупомянутые лица распорядились к высылке и какого было обстоятельства дела, так как до получения такового сведения я затрудняюсь согласиться на предложение высылки названных японских подданных»³.

Далее последовала обширная переписка между Приамурским генерал-губернатором (П.Ф. Унтербергером), военным губернатором Приморской области (В.Е. Флугом) и военным губернатором Амурской области (А.В. Сычевским) на тему означенных японцев, «высокие переписывающиеся стороны» по ходу этой переписки признали, что улик в шпионстве задержанных японцев нет, но выслать их следует все равно. Показательно обращение Приамурского генерал-губернатора к военному губернатору Приморской области, в котором он пишет, что японский консул неоднократно просил сообщить ему сведения о причинах высылки из края японских подданных, «отклонив все подобные просьбы, я вместе с тем прошу Ваше Превосходительство строго придерживаться такого же порядка, то есть не входить ни в какие объяснения с консулами или вообще иностранными подданными относительно причины высылки иностранцев распоряжением моим или Вашего Превосходительства»⁴.

Вообще, заступничество японского консула по поводу конкретного японского подданного, чаще всего служило дополнительным поводом к подозрению.

Позицию властей по поводу японцев великолепно иллюстрирует записка Драгомана, генерального консула в Сеуле, от 5 января 1907 года. В ней он писал, что каждый японец, прибывающий на русский Дальний Восток, проникнут идеей «Азия для азиатов», «каждый из них верит, что настанет час,

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 656. Л. 5.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 656. Л. 7.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 656. Л. 9.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 656. Л. 16.

когда потребуются его услуги отечеству и каждый заблаговременно готовится выступить в известную минуту на защиту интересов своей родины с возможно большей для нее пользой»¹.

Японцы, проживающие во Владивостоке (а это свыше четырех тысяч человек), входят в специальное общество («Урадзио киорюминкай»), причем дело организовано таким образом, что японцы монополизировали все мелкие отрасли труда, «в прачечных, парикмахерских, столярных мастерских и так далее можно встретить только японцев, но не русских и не китайцев»².

Японский коммерческий агент исполняет консульские обязанности, при нем имеется штат служащих, в том числе двое служащих, которые следят за русской прессой Дальнего Востока и собирают сведения политического характера, «можно с уверенностью предположить, что этими же лицами ведутся тайные разведки», а помогает им целая армия шпионов-японцев. Еще накануне Русско-японской войны японцы проникли всюду, «ни одна слабая сторона нашего государственного организма не осталась скрытой от их пытливого взора». Но работа по изучению России продолжается и сейчас, японцы не удовлетворены результатами войны, «нужно знать при этом характер японца, его идеал, чтобы всякие дальнейшие сомнения относительно воинственных планов Японии исчезли»³. По мнению Драгомана, Япония продолжала лихорадочно готовиться к будущим войнам, создавая в Корее базу «для своего дальнейшего победоносного шествия до Байкала, уже заблаговременно воспетого многими японскими авторами»⁴.

В записке чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторстве Н. Богоявленского также указывалось: «Всюду находятся японские шпионы, действующие по определенной программе и руководимые специальными японскими штабами, имеющими пребывание, по преимуществу, в японских консульствах. Кроме того, разведка производится и добровольцами-японцами. Каждый японец – шпион из чувства патриотизма, побуждающего его делать все возможное для блага и пользы родины. Японское шпионство факт серьезный, с которым нам приходится очень и очень считаться и принимать серьезные меры»⁵.

Позиция властей требовала соответствующей идеологической обработки общественного мнения. В местных СМИ (и до войны, и во время, и после) постоянно публиковались статьи на тему, что японцы являются лидерами «желтой опасности», что они собираются возглавить движение «Азия для азиатов», готовятся захватить русский Дальний Восток и вообще все наши территории, вплоть до Байкала и так далее. Так, в номере от 11 июля 1904 года газеты «Дальний Восток» (ведущее повременное издание в регионе) мы

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 561. Л. 5 об.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 561. Л. 7.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 561. Л. 9.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 561. Л. 9 об.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 417. Л. 6.

можем встретить следующую сентенцию: «Эта языческая раса питает глубочайшую вражду к христианству... евангельское учение о любви и прощении никогда не привьется к жестокой и полной ненависти душе японца, и уже по одному этому союз с этим коварным народом не может быть прочным»¹.

В другой заметке утверждалось, что Япония – это не маленькая, беззащитная страна, а держава, основательно организованная и подготовленная для войны, с воинственным народом, очень дисциплинированным и подчиненным властям. Япония страна честолюбивая и мечтающая о господстве, страна, которая ненавидит белую расу и представляет большую опасность для Европы².

Даже несомненные успехи японцев в деле модернизации своей страны в ходе так называемой «революции Мэйдзи» всячески пытались принизить и обесценить, выискивая сугубо негативные стороны процесса (усиление бюрократизации, продажность политиков, рост нищеты, высокие налоги, милитаризм, шовинизм и прочее). Где нельзя было поругать «материю», ругали «дух», доказывая, что, каким бы высоким не было экономическое развитие Японии, духовно она слаба и глубоко порочна («копни чуть глубже, а там тот же желтоглазый дикарь-азиат»), а сами японцы двуличны, лживы, коварны, неразборчивы в средствах, жестоки, ненавидят все европейское и жаждут покарать Россию.

В принципе, негативное отношение к японцам культивировалось перед Русско-японской войной во всем русском обществе, от низов до императора Николая II включительно. Согласно исследованиям Е.С. Сенявской [1; 2], еще до войны в русском обществе сложился стереотип восприятия японцев как «азиатов», язычников (то есть «не-христиан») с одной стороны, и как «дикарей» и варваров (то есть отсталых культурно), с другой. На языковом уровне это выразилось в обилии уничижительных кличек. Японцев называли не иначе как «япошками», «макаками», «желтолицыми обезьянами», «желтыми пигмеями», «узкоглазыми дикарями» и т.д. Этими эпитетами пестрила печать, эти же выражения сплошь и рядом встречаются в мемуарной литературе (даже если сам автор японцам сочувствовал, он выражался в духе: вот все называют японцев макаками, а я так думаю, что это сильный противник).

В начале войны презрительное, враждебное отношение к японцам достигло своего пика – редактор «Нового Времени» А.С. Суворин, например, писал о японцах как «ядовитых карлах», как «азиатах и язычниках», у которых «своя нравственность, свои правила, своя дипломатия»: «Дьявол поднялся на Дальнем Востоке... обожгло Россию, обожгло весь русский народ. Заболели наши раны, русская кровь полилась, смерть разинула свою пасть и поглотила первые жертвы, облитые слезами отцов и матерей» [3, с. 46].

¹ Дальний Восток. – 1904. – № 152 (11 июля).

² Дальний Восток. – 1904. – № 180 (15 августа).

Однако в ходе войны восприятие японцев претерпело серьезные изменения, японская армия была признана сильным и достойным противником, а сами японцы – мужественными воинами, чей героизм и самопожертвование ни в чем не уступают героизму и самопожертвованию русского солдата.

Е.С. Сенявская в своем исследовании отмечает: «Воспринимавшиеся на расстоянии как «макаки» представители другой, непонятной европейцу культуры, при непосредственном соприкосновении оказались людьми вполне цивилизованными, да еще и способными на благородные поступки» [1, с. 33]. Однако неудачное (для России) окончание войны породило двойственность в восприятии японцев, когда восхищение противником мешалось с презрением к нему же, а победу Японии над Россией объясняли «приступом бешенства»: «Эта двойственность восприятия весьма характерна для европейца, столкнувшегося с загадочными традициями и чуждым менталитетом Востока: здесь невольное восхищение утонченной древней культурой, и страх перед непредсказуемостью «дикарей», и стыд за поражение своей «цивилизованной» страны, которое она потерпела от «варваров» [1, с. 34].

Примерно к такому же выводу пришел в своих исследованиях и В.Э. Молодяков: «Война вызвала в России небывалый интерес к Японии – к ее истории, литературе, быту, а не только политике или военному делу. Два военных года дали русскому читателю столько книг и статей (не всегда равноценных, но порой первоклассных) по самым разным сторонам и аспектам японской жизни, сколько не дали предыдущие полвека. Как это ни парадоксально, война дала русскому обществу колоссальный импульс в изучении Японии, иначе знания о ней так и остались бы уделом узкого круга специалистов или знатоков-эстетов» [4, с. 34]. В.Э. Молодяков дал определение «образу Японии», сложившемуся в культуре Серебряного века, как «желтая опасность» и «живописная Япония», отметив двойственность восприятия бывшего врага.

Как бы то ни было, власти Дальнего Востока, похоже, восприняли только первую половину образа Японии, и не только транслировали местному обществу разнообразные «страшилки» на тему японцев и их коварных планов по завоеванию русского Дальнего Востока, но и вполне искренно сами их разделяли (о чем свидетельствуют записки, приведенные выше). Получался своеобразный «замкнутый круг»: чтобы настроить общество на поиск японских шпионов, про японцев постоянно твердили, что от них исходит «желтая опасность» (то есть, они готовятся захватить всю Азию), а тезис про воинственные планы японцев (или, как вариант, мечты о реванше) вызывал подозрительность, истерию и поиски «врагов». При чем начальственная «шпиономания» через СМИ передавалась и населению, особенно успешно – в период войны. Бдительные граждане везде выискивали японских шпионов, но нередко «под раздачу» попадали и корейцы. Во Владивостоке одно официальное лицо жаловалось, что некоего корейца к нему приводили 6 раз, или, например, пытались «сдать» как японского шпиона корейца, который в

городе живет уже 18 лет¹. В Уссурийском уезде корейские деревни, в которых не находилось для интендантства овса, обвиняли в связях с японцами².

До начала массовой высылки японцев из пределов наместничества были также анонимные угрозы японских погромов, например, от жителей Хабаровска: «Просим Ваше Превосходительство ради бога прикажите куда-нибудь убрать удалить японца Такеучи и других с Хабаровска, хоть в Сретенск или куда. Верно говорю Вам его убьют, как и многих других, хоть их охраняйте как знаете. Прикажите и вывеску его уничтожить, чтобы тут и духа их не пахло. Нам собственно его не жаль, не все ли равно десяток этих разбойников обезьян меньше будет, но очень нежелательно то, что иностранные газеты сейчас заговорят о жестокости русских, что они убивают мирных жителей японцев в своих городах. А убьют Такеучи и прочих бесприменно, рано или поздно убьют. Это решено и даже уже сговорились некоторые люди, а кто их будет защищать и тех убьют. Верно Вам говорю»³.

Вместе с тем, отношение к японцам (как власти не старались) не было однозначно негативным. Во многих случаях оно было доброжелательным, особенно на «окраинах» (побережье Охотского моря, Камчатка, северные уезды Приморской области). В рапортах официальных лиц неоднократно отмечалось, что «местное население» (и русское, и инородческое) поддерживает японцев, японских браконьеров прячут от русских сторожевых судов, японцы незаконно остаются на зимовку, а их покрывают и так далее. Назывались и причины столь радушного отношения к «потенциальным врагам» – от снабжения местного населения дешевыми и/или дефицитными товарами до взяток.

Например, в докладной записке Бражникова (управляющий государственными имуществами) на имя Приамурского генерал-губернатора о результатах рыбного промысла в северных водах Приморской области в 1907 году, отмечено, что на Тауской губе, в устье реки Яны ловила и скупала рыбу японская шхуна. «Эта шхуна, заблаговременно предупрежденная жителями Тауйска, скрылась ночью, без огней, при свежем ветре, от направлявшегося к ней «Командора Беринга». Местные жители объяснили свое предупредительное отношение к японцам тем, что японцы за доставляемую им рыбу снабжают их всем необходимым по умеренной расценке, тогда как от русских торговцев они получают те же товары только зимой и по более дорогой цене. Между прочим, соль доставлялась в Тауйск только японцами»⁴.

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер с тревогой отмечал в докладной записке от 17 декабря 1908 г.: «Ряд поступивших во мне за

¹ Восточное обозрение. – 1904. – № 101 (29 апреля).

² Восточное обозрение. – 1905. – № 60 (19 марта).

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 24.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 190. Л. 208.

последнее время сведений свидетельствует, что влияние японцев на жителей северных уездов Приморской области все увеличивается, и что, не ограничиваясь уже производством рыбного промысла, часть японцев остается здесь круглый год. Например, по донесению Начальника Петропавловского уезда, осенью сего года по западному побережью Камчатки почти в каждом селении осталось на зимовку по одному, по два японца, причем население к ним относится радушно и гостеприимно. Из тех же сведений и донесений видно, что японцы снабжают население дешевым контрабандным спиртом, дают им товары в долг, лечат их бесплатно, дают сельским властям взятки, получая за это разрешение нарушать рыболовные правила и прочее. Все это, по мнению местных представителей власти склоняет симпатию жителей на сторону японцев, которые в недалеком будущем окончательно заберут в свои руки страну, если не будут приняты энергичные меры противодействия их влиянию»¹.

Показательны те методы, которыми власти пытались бороться с «слишком доброжелательным» отношением к японцам. Так, в марте 1904 года начальник удского уезда донес о неблагонадежности гиляков: «относятся к русским несимпатично и могут явиться пособниками японцев»². Было решено выселить стойбища гиляков с побережья лимана Амура внутрь края и отнять нарезное оружие. Итог этого выселения был весьма печален: гиляки лишились своих рыболовных участков (которые тут же заняли русские рыбопромышленники), власти спохватились, что без рыбы гиляков ждет голодная смерть, и попытались исправить положение. В конце концов, часть рыболовных участков гилякам все же вернули, но восполнить запасы рыбы в нужном количестве гиляки не успели.

Ничего не могли власти поделать и с «коммерческой составляющей» вопроса. Русские промышленники неоднократно покрывали японских коллег в деле рыбодобычи, например, русские промышленники арендовали на свое имя участки по ловле рыбы, а потом негласно пускали туда японцев; ловили для японцев рыбу и так далее (естественно, все подобные услуги щедро оплачивались японской стороной).

В целом, действия властей по культурной ассимиляции «не-русского» элемента на Дальнем Востоке носили насильственный и «запретительный» характер, для признания «своим», «благонадежным» требовалось, как минимум, принятие православия и основных элементов русской культуры. Иностранцы и «сочувствующие иностранцам» считались подозрительными, их старались держать под постоянным надзором и контролем. Частично ксенофобия властей передавалась и самому населению Дальнего Востока (его «русской» части), что в дальнейшем имело массу негативных последствий.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 221. Л. 39.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 293.

Список литературы

1. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006.
2. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
3. Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция: маленькие письма, 1904–1908 гг. М.: Алгоритм, 2005.
4. Молодяков В. Образ Японии в русской культуре серебряного века // Россия и Япония: диалог культур и народов. М., 2004. С. 30–39.